

ОПТИМИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ С УЯЗВИМЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ГРАЖДАН

Шилина С.А., Дмитриева М.А., Шилин А.М.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

В статье рассматриваются актуальные вопросы комплексного анализа технологий социальной инклюзии и уровня ее внедрения в учреждения социальной защиты. Авторы провели теоретический анализ, который позволил сделать вывод о трансформации понятия «инклюзия»: от модели «интеграции» (когда человек подстраивается под существующую среду) современное общество движется к модели «включения» (когда среда и общество проектируются с учетом потребностей каждого, включая людей с инвалидностью, пожилых, мигрантов, выпускников детских домов и иные уязвимые группы). Установлено, что ключевым барьером сегодня является не столько физический (архитектурная недоступность), сколько социально-психологический и коммуникативный (стигматизация, низкий уровень инклюзивной культуры, отсутствие запроса на равное участие). В статье отражены результаты социологического исследования, которое проведено в целях более подробного анализа технологий социальной инклюзии с различными категориями граждан в ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска». В ходе анализа ответов респондентов были выявлены актуальные проблемные вопросы и пути для их решения. Выводы, к которым пришли авторы: преобладающей социальной группой респондентов оказались пожилые граждане, потому как данная категория клиентов является основной в ГБУ «КЦСОН г. Брянска»; для подавляющего большинства клиентов первостепенное значение приобретает не столько реабилитация и адаптация, сколько преодоление чувства одиночества и обеспечение необходимой бытовой поддержки; учреждения, которые будут не только предоставлять услуги, но и организовывать взаимодействие между клиентами, смогут существенно расширить охват без привлечения дополнительных сотрудников; только при комплексном подходе к инклюзивной помощи конкретному клиенту в конкретной проблемной ситуации можно добиться максимальной эффективности.

Ключевые слова: инклюзия, социологическое исследование, уязвимость, инвалиды, социальная сфера, социальная изоляция, освобожденные из мест лишения свободы лица, пожилые

DOI 10.22281/2542-1697-2026-05-03-82-94

Актуальность обращения к формированию инклюзивного общества, в котором люди смогут реализовать свои потребности, невзирая на какие-либо ограничения, не вызывает сомнений. Данная повестка отражается в актуальных стратегических инициативах нашего государства, например в Национальном проекте «Демография» и госпрограмме «Доступная среда». Основной акцент делается на улучшение жизни граждан с ограниченными возможностями здоровья, а также лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Добиться этого можно лишь путем преодоления барьеров как в бытовой, так и в социальной сфере общественной жизни. Важно отметить, что реализация подхода невозможна без всестороннего изучения в научном поле и применения инклюзивных практик.

Само понятие инклюзии за длительные периоды научного познания претерпело существенные изменения: ранее под инклюзивными методами подразумевалась лишь интеграция людей, имеющих инвалидность; на сегодняшний день круг объектов инклюзии расширился, среди них мигранты, выпускники учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, лица, освобожденные из мест лишения свободы и другие уязвимые группы населения. Увеличение объектного состава инклюзии дает понять: данное явление нуждается в систематизации и подробном изучении в теоретическом и практическом контексте.

Основными принципами современного общества являются гуманизм и демократия, основной целью которых является вовлечение в социальную жизнь каждого человека путем преодоления различных барьеров, одним из которых является инвалидность. Данный подход базируется на принципе общего равенства. Ключевым фактором подобных изменений считается социальная инклюзия, которая поддерживает всех членов общества и является важнейшим показателем прогрессивного развития общественных институтов.

Важнейшей задачей социальной инклюзии, безусловно, является укрепление социальной солидарности, которая помогает преодолеть различные риски и вызовы путем объединения людей независимо от их особенностей. Для более полного понимания роли социальной инклюзии в мировом сообществе необходимо изучить ее научные аспекты.

Базисом формирования социальной инклюзии и ее интерпретации являются фундаментальные социологические теории. Структурный функционализм (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и Т. Парсонс) рассматривал инклюзию и инклюзивное образование как один из общественных институтов. Он действует внутри общей и особенной социальной системы, объединяя много разных участников: людей с инвалидностью, учителей, учеников, администрацию. При этом он связан с другими институтами – с семьёй, наукой, культурой, экономикой и правом. Благодаря этим связям удаётся согласовывать разные сферы жизни общества и делать их более целостными [10; 8].

С другой стороны, по Парсонсу, любые социальные конфликты говорят о том, что в системе что-то работает не так, есть дисфункция [14]. И здесь инклюзия как раз помогает улаживать такие конфликты, которые возникают из-за нарушения прав людей с инвалидностью. Получается, что инклюзивное образование не просто помогает людям влиться в общество, но и поддерживает в нём порядок и спокойствие.

Согласно теории социетальной реакции, предложенной Г. Беккером и Э. Лемертом, человека с серьёзными нарушениями здоровья общество часто воспринимает как девианта, человека, который не вписывается в общепринятые нормы. Навешивают «ярлык», и в итоге человек оказывается исключённым из многих важных сфер жизни, например, из системы образования. Вот так и работает механизм социальной эксклюзии.

В контексте реализации инклюзивных практик попытки внедрения инклюзивного обучения сталкиваются с рядом проблем, основной из которых являются негативные стереотипы об инвалидах. Преодоление этих стереотипов требует комплексного подхода, включающего как образовательные, так и социальные меры, направленные на изменение общественного сознания, особую роль играют при этом управленческие параметры социальной политики государства [9; 11; 12].

В отечественном научном дискурсе [7] социальную инклюзию зачастую совершенно неоправданно сводят к понятию образовательной инклюзии, сужая до инклюзии несовершеннолетних с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья) в сфере образования, тогда как она предполагает значительно более широкий спектр действий: включенность в группу, в деятельность, чувство включенности, эмоциональный контакт с окружающим миром, применительно к достаточно широкому спектру социальных групп, находящихся в той или иной трудной жизненной ситуации (ТЖС).

Формирование социальных границ через парадигму «свой - чужой» - это базовый механизм объединения людей в любом обществе. Он основывается на постоянной социальной категоризации, в процессе которой социум, оценивая различные характеристики (пол, возраст, этническую принадлежность, религию, социальный статус, уровень образования и т. д.), неосознанно делит людей на тех, кто близок («свои»), и тех, кто находится на расстоянии («чужие»). Психологическая основа этого процесса - механизм социальной эксклюзии: людей, чьи особенности воспринимаются как непривычные, нежелательные или опасные, общество склонно исключать из сферы близкого взаимодействия.

В отношениях между доминирующим обществом и «иным» (индивидом или группой, которые воспринимаются как отличающиеся) исторически сформировались несколько моделей взаимодействия. Эти модели представляют собой спектр - от деструктивных, которые основаны на отвержении, до конструктивных, которые направлены на включение. Деструктивные модели: сегрегация (принудительное разделение) и эксклюзия (полное исключение из социальных структур). Конструктивные модели: интеграция (встраивание при условии адаптации к нормам большинства) и инклюзия (изменение общества для признания и оценки разнообразия).

Сегрегация (от лат. segregatio - «отделение») представляет собой практику разделения людей или социальных групп по определённому признаку, а также результат такого разделения [6]. Одним из самых известных исторических примеров применения этого термина является расово-этническая дифференциация, которая существовала в XX веке в Южно-Африканской Республике (система апартеида) и в Соединённых Штатах Америки. В США институциональная расовая сегрегация продолжалась более двух столетий и была официально отменена только в 1964 году президентом Л. Б. Джонсоном. Однако, несмотря на законодательные изменения, сегрегационные практики в политической, социальной и частной сферах жизни сохранялись ещё на протяжении десятилетий [16].

Понятие социальной эксклюзии (от лат. exclusio - «исключение») можно трактовать с двух позиций: как нарушение или ограничение социальных связей индивида со стороны общества, препятствующее его полноценному участию в социальной жизни; а также как добровольный разрыв социальных связей самим индивидом, отказ от интегративного взаимодействия с обществом [3]. Результатом этих двух позиций неизбежно становится социальная изоляция.

Основоположником термина «социальная эксклюзия» стал Рене Лемуар - французский политический деятель, который в 1974 году начал использовать данное понятие для описания «групп риска»: лиц с физическими или ментальными ограничениями, лиц суицидального поведения, а также пожилых и инвалидов [5]. Эксклюзия первоначально применялась в экономических исследованиях бедности и ее влияния на состояние рынка труда, поднимался вопрос о важности не только экономического, но и социального аспекта маргинализации. Это определение послужило основой для интерпретации эксклюзии, как многогранного явления, выходящего за рамки бедности и затрагивающее ограничение гражданских, политических и культурных прав личности. Рассмотрим основные формы социальной изоляции (рис 1).

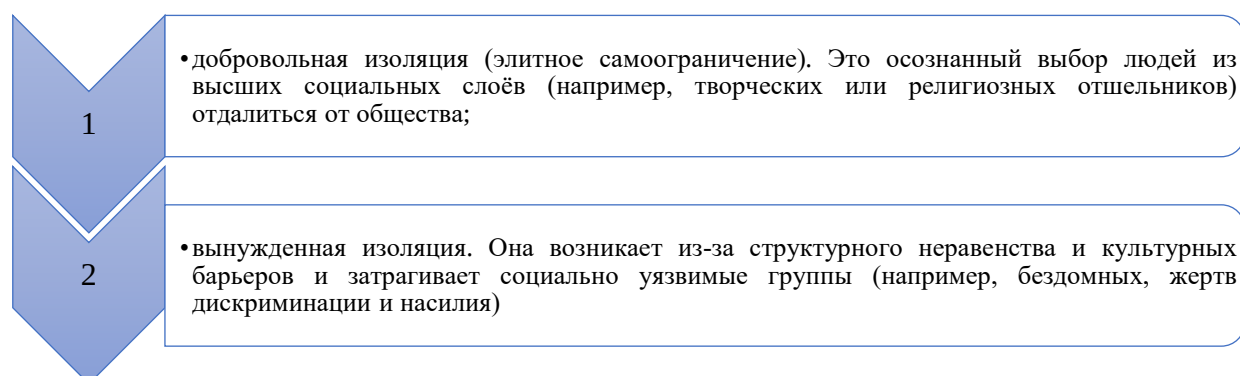

Рисунок 1 - Формы социальной изоляции

Социальная изоляция - явление неоднозначное. Её интенсивность и формы могут сильно различаться в зависимости от конкретного социально-исторического контекста.

Одна из форм - системное неравенство, которое создают доминирующие группы или целые институты, намеренно устанавливая неравные условия доступа к ресурсам, по половому признаку, инвалидности, социальному классу. Классический пример - гендерный разрыв в зарплате. Это, по сути, структурная дискриминация в трудовой сфере.

Другой вариант - прямое ограничение прав и доступа к общественным благам. Возьмём статус «неграждан» в некоторых странах: люди живут на территории, но у них нет ни политических, ни гражданских прав. Полноценно участвовать в жизни общества они не могут. Или ещё нагляднее - прямые барьеры. Скажем, в США до середины XX века повсюду висели таблички «только для белых» в кафе, туалетах, поездах. А в сословных обществах выходцам из низших слоёв зачастую запрещали учиться. Самыми радикальными проявлениями считаются целенаправленные репрессии, вплоть до физического уничтожения. Геноцид, Холокост - в данных случаях изоляция переходит в массовые убийства. Это уже

крайняя степень исключения. В науке и на практике людей, оказавшихся в изоляции, называют жертвами социальной изоляции.

Примечательно, что Ф.М. Бородкин предлагает анализировать связь между эксклюзией и инклюзией через понятие депривированности. Но важен тот факт, что в его понимании депривация - это не объективная обделённость. Это скорее субъективное ощущение. Человек или группа чувствуют себя отчуждёнными, выброшенными из общества. И именно эти внутренние переживания, эти барьеры запускают реальный процесс эксклюзии. Формально права есть, а воспользоваться ими невозможно [5].

В научном поле понятию социальной эксклюзии противопоставлены интеграция и инклюзия. Интеграция (от лат. *integratio* восстановление, восполнение; лат. *integer* - целый) - процесс установления оптимальных связей между относительно самостоятельными социальными объектами (индивидуумами, социальными группами, сообществами, странами), превращение их в целостную систему с согласованными на основе общих целей и интересов частями [16].

Когда говорят об интеграции уязвимых групп населения, то ключевым является вопрос распределения ответственности. Сам процесс интеграции чаще всего предполагает включение всех социальных групп: семьи, государства, самого индивида - в социум. На практике интеграционная модель очень схожа с процессом ассимиляции. Это значит, что основная нагрузка по адаптации к социальным изменениям и преодолению барьеров ложится на индивида. Он должен, опираясь на имеющиеся социальные ресурсы, встраиваться в существующую социальную действительность. Подобный подход не предполагает коренных изменений системы - меняться должен тот, кто нуждается в интеграции.

Многие западные научные подходы, особенно в русле структурного функционализма, трактуют социальную интеграцию через такие понятия, как устойчивость системы, внутренняя упорядоченность и общность ценностных ориентиров. По Т. Парсонсу [14], интеграция является важнейшим инструментом социализации. Человек усваивает общепринятые нормы через взаимодействие с «значимыми другими» - это называется интернализацией. В итоге внешние требования социума как бы вырастают во внутренние установки личности, а всё потому, что разные подсистемы общества работают согласованно.

Т. Парсонс в контексте изучения понятия интеграции связывал ее с диалектикой, суть которой заключалась в следующем: у каждого индивида присутствует автономия, однако нельзя отрицать взаимосвязь людей как элементов большой социальной системы. Процесс интеграции помогает человеку преодолеть ощущение отчужденности от группы путем формирования поведения, которое будет одобрено большинством.

Несмотря на ряд общих характеристик, между понятиями «инклюзия» и «интеграция» нельзя поставить знак равенства. Интеграция предполагает изменение конкретного индивида, его внутреннюю работу для адаптации к имеющейся социальной реальности. Инклюзия, напротив, перестраивает социальную систему так, чтобы в неё были включены все люди, независимо от любых различий и невзирая на барьеры, с которыми приходится постоянно бороться, а также помогает лицам с особыми потребностями защитить и реализовать их права [4].

Таким образом, социальная инклюзия (от английского глагола 'include' со значением «включать» латинского происхождения, от глагола *includere* – заключать, включать) [2] - это не просто процесс включения, а восстановление социальной справедливости. В ее основе лежит принцип взаимного приспособления. Нельзя не отметить, что инклюзивная методика может работать только в том случае, если не только индивид, но и все общество будет менять свои нормы, ценностные ориентации и стереотипное мышление, чтобы признать важность и нужность людей, имеющих ограничения с реализацией их прав и свобод. Инклюзия, базируясь на принципах равенства и гуманизма, стала полной противоположностью модели сегрегации, ведь теперь «нетипичность» рассматривается не как аномалия, а как вполне обычное социальное явление [15].

Научная литература трактует социальную инклюзию, исходя из двух основных

подходов: экологического и философского. Экологическая концепция, которая чаще встречается в европейском научном сообществе, основана на таких разделах, как экология, синергетика и кибернетика. Данный подход выделяет центральным элементом индивида: он является не пассивным объектом помощи, а активным субъектом, который может влиять на социальные процессы. Основная роль инклюзии, согласно данной концепции, в поддержании равновесия и согласования всех взаимодействующих объектов общества и формировании для них доступной и открытой среды.

Анализируя научный опыт, можно выделить два направления экологического подхода – системное и феноменологическое. Рассмотрим основные принципы экологического подхода (рис. 2).

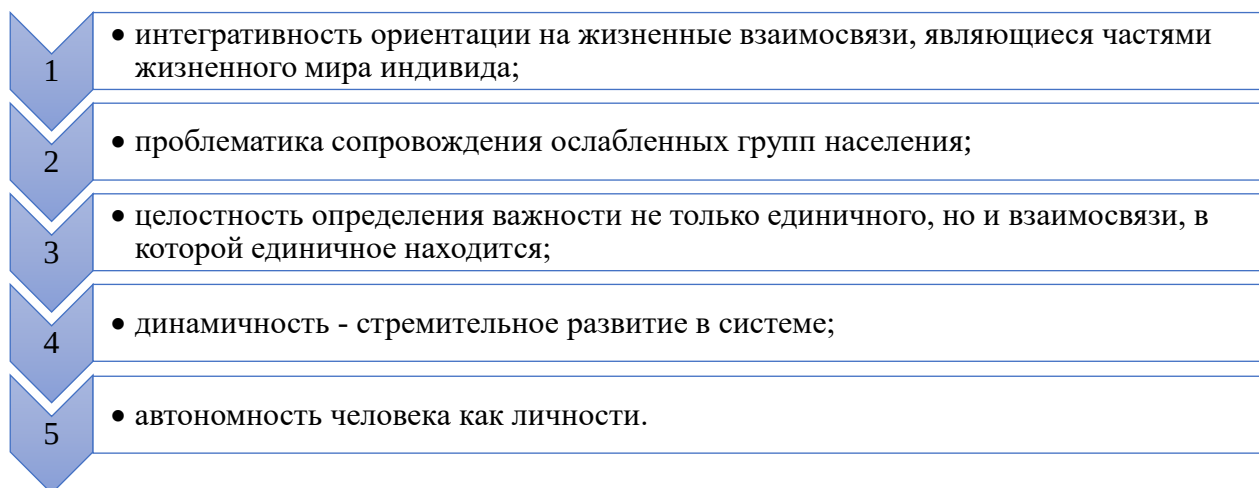

Рисунок 2 - Принципы экологического подхода

Среди основных направлений философского подхода наиболее выделяются персоналистский и социально-феноменологический.

Основатели персоналистского направления - К. Роджерс, Г. Олпорт и А. Маслоу, которые описывают структуру личности через три ключевых вектора развития: экстериоризацию (стремление к самореализации и выражению себя вовне), интериоризацию (акцент на внутренний мир и рефлексии) и трансценденцию (ориентацию на высшие, надличностные ценности и смыслы). Анализ этих векторов привёл к выводу о важности баланса между идентичностью людей, интегрированных в социальную систему, и идентичностью тех, кто оказывается вне её. Рассмотрим ключевые принципы современной концепции социальной инклюзии (рис. 3).

Эффективная реализация практик социальной инклюзии невозможна вне четко выстроенной системы государственного регулирования и целевого финансирования. В отличие от разрозненных благотворительных инициатив, системная инклюзия требует пересмотра строительных норм, образовательных стандартов, регламентов оказания услуг и, что наиболее важно, переформатирования общественного сознания с «медицинской» модели восприятия инвалидности на «социальную». В Российской Федерации данный переход ознаменовался ратификацией Конвенции ООН о правах инвалидов в 2012 году, что послужило мощным импульсом для модернизации внутреннего законодательства и запуска масштабных государственных программ.

Государственная программа «Доступная среда» начала действовать в 2011 году, а первый ее этап закончился в 2021 году. Сейчас идет второй этап ее реализации, который по плану должен продлиться до 2030 года. В первую очередь она призвана улучшить жизнь людей с инвалидностью, но в реальности она помогает всем.

У этой программы есть сразу несколько достаточно масштабных целей:

- сделать города более доступными для инвалидов и маломобильных граждан, дать им беспрепятственный доступ ко всем основным инфраструктурным объектам;

- адаптировать жилые пространства (например, общие зоны в многоквартирных домах) таким образом, чтобы инвалиды могли комфортно ими пользоваться;
- обеспечить социальное сопровождение тем категориям граждан, которым оно необходимо;
- предоставить равный доступ к информации всем гражданам, включая инвалидов по слуху и зрению;
- обеспечить равный доступ к образованию и реабилитационным услугам.

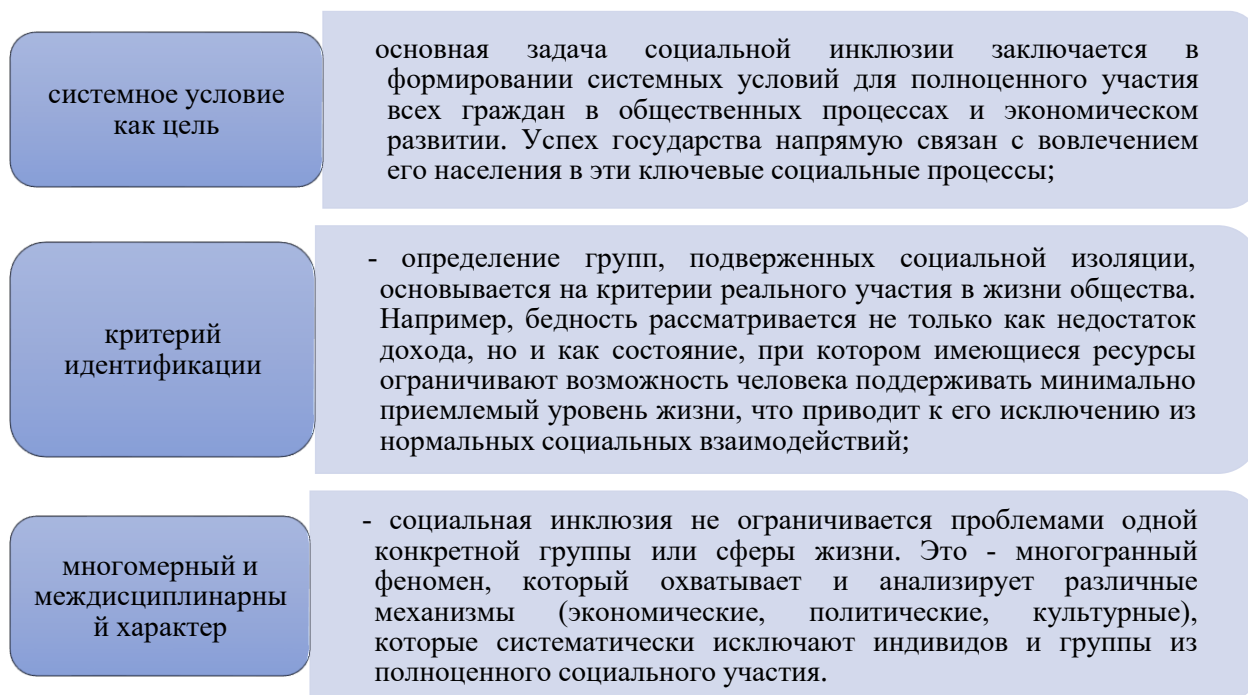

Рисунок 3 - Принципы концепции социальной инклюзии

В последние годы появляется все больше новых технологий, которые позволяют сделать среду более доступной и улучшить повседневный опыт пользователей с физическими ограничениями. Сюда можно отнести следующие инструменты и инновации:

- голосовые ассистенты: с помощью голосового ввода на телефоне или в умной колонке теперь можно найти любую информацию в интернете, позвонить нужному человеку, поставить музыку или послушать книгу — и все это без необходимости вставать или даже брать в руки смартфон; это открывает массу возможностей для людей с особыми потребностями;

- системы умного дома: на ту же умную колонку можно «завязать» множество повседневных действий, то есть голосовой командой можно включить свет, открыть шторы, поставить кипятиться чайник или изменить температуру на кондиционере, что позволяет серьезно упростить быт и сделать пребывание дома более комфортным;

- продвинутые карты: многие сервисы с городскими картами теперь предлагают расширенный функционал, позволяющий построить безбарьерный маршрут по городу, однако пока такие опции доступны не везде, но это вопрос времени;

- носимые устройства: современные смарт-часы и даже некоторые телефоны оснащены дополнительными функциями: мониторингом физических параметров (пульса, уровня кислорода в крови, давления), датчиками падения или удара, тревожными кнопками, позволяющими моментально вызвать экстренные службы в случае необходимости; все это позволяет людям с особенностями здоровья вовремя получать помощь, когда им это требуется.

Еще один важный пункт программы - создание равных возможностей для доступа к образованию, культурному и интеллектуальному развитию. Это достигается за счет целого

комплекса мер:

- в школах, вузах, театрах, библиотеках, филармониях и других учреждениях устанавливают пандусы и лифты для беспрепятственного входа, а также оборудуют туалеты для инвалидов;
- туристические объекты адаптируют под потребности людей с инвалидностью;
- в школах создают специальные классы, позволяющие интегрировать детей с инвалидностью в коллектив и дать им полноценное среднее образование;
- для слабовидящих людей выпускают специальные учебные пособия;
- в образовательном процессе используют специальные технические средства (компьютеры, проекторы, планшеты и так далее).

Все это помогает создать условия, в которых люди с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья могут быть полноценными членами общества, получать образование, культурно развиваться и заниматься интересными им вещами. «Доступная среда» - одна из самых важных и ценных госпрограмм, которая при правильной реализации действительно помогает сделать города более комфортными для каждого жителя.

ГБУ «КЦСОН г. Брянска» является площадкой для реализации потребности пожилых граждан в социализации и самовыражении путем участия в клубе «Активное долголетие», где организуются различные мероприятия, концерты, круглые столы, организованные поездки в музеи и пр. Данная инициатива появилась в рамках регионального проекта «Старшее поколение», который является частью Национального проекта «Семья» [1].

Одним из эффективных инструментов реализации регионального проекта «Старшее поколение» на территории Брянской области является деятельность «Университета третьего возраста» (УТВ) [13]. Такой вид работы нацелен на поддержания активного долголетия, повышения качества жизни и социальную адаптацию пожилых граждан через просветительские и культурно-массовые мероприятия, а также курсовое обучение по конкретным образовательным направлениям. Анализ деятельности таких университетов на базе государственных бюджетных учреждений позволяет выявить конкретные механизмы работы с людьми «серебряного» возраста. Примечательно, что эта модель может быть полезна и для других регионов.

В Брянской области «Университеты третьего возраста» действуют почти в каждом муниципальном районе и городском округе. Созданы они при местных КЦСОН. В самом Брянске проект работает на базе отделения дневного пребывания и социальной реабилитации ГБУ «КЦСОН г. Брянска». Что немаловажно, ключевая цель здесь - дать пожилым людям возможность бесплатно получать новые знания и навыки. Это помогает им не только адаптироваться к современным реалиям, но и обрести уверенность в себе, сделать свою жизнь более насыщенной и интересной.

Примечательно, что перечень направлений обучения не застыл раз и навсегда - он меняется в зависимости от того, что нужно самим слушателям и какие специалисты могут быть привлечены. В 2017 году, к примеру, при сотрудничестве с Брянской областной научной универсальной библиотекой им. Ф.И. Тютчева основной упор сделали на информационно-просветительскую и психологическую поддержку.

Сейчас Университет включает шесть факультетов: истории и культуры; основ правовой и финансовой грамотности; православия; информационных технологий; здоровья; краеведения и туризма.

Но обучение, что важно, не сводится к одним лишь аудиторным занятиям. Активно практикуются выездные экскурсии. Например, в 2018 году слушатели факультета православия посетили Бело-Бережскую Иоанно-Предтеченскую мужскую пустынь. А слушатели из других районов области съездили в Свенский монастырь и Оптину пустынь. Деятельность «Университета третьего возраста» способствует и расширению кругозора, и сохранению культурно-исторического наследия одновременно.

Важно отметить, что деятельность «Университета третьего возраста» тесно вписана в

общую работу Центра с пожилыми людьми. Как правило, слушатели УТВ - это одновременно и участники других клубов по интересам, к примеру клуба «Серебряный возраст». Такая связь позволяет говорить о комплексном подходе специалистов в организации досуга и социальной коммуникации. Также, важно отметить межведомственное взаимодействие: К проведению занятий привлекают самых разных специалистов: сотрудников библиотек, преподавателей вузов, медицинских работников, юристов. Без этого взаимодействия не получилось бы охватить все потребности пожилых людей.

Таким образом, анализ работы «Университета третьего возраста» на базе ГБУ КЦСОН г. Брянска показывает: модель работает, и работает эффективно, с высокой социальной отдачей. Она решает ключевые задачи государственной политики в сфере активного долголетия, а именно помогает преодолевать социальную изоляцию пожилых людей, успешно адаптироваться в быстро меняющемся мире (в том числе через освоение информационных технологий), поддерживать физическое и психологическое здоровье, а также формировать позитивное отношение к поздним этапам жизни.

Примечательно, что этот опыт вполне можно тиражировать в других регионах, разумеется, с учётом местной специфики.

Авторами статьи было проведено социологическое исследование в феврале 2026 года с целью выявить уровень удовлетворенности граждан применением технологий социальной инклюзии в учреждениях социальной защиты г. Брянска.

Задачами явились следующие: 1) выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются получатели социальных услуг; 2) изучить мнение получателей социальных услуг о мерах, необходимых для повышения эффективности оказания услуг по социальной инклюзии; 3) провести оценку уровня удовлетворенности качеством обслуживания в организации; 4) изучить мнение респондентов о профессиональной компетентности и квалификации сотрудников, предоставляющих услуги в учреждении.

Объектом исследования послужили клиенты ГБУ «КЦСОН г. Брянска», нуждающиеся в социальной инклюзии. Предметом исследования является уровень удовлетворенности технологиями социальной инклюзии, реализуемыми в учреждениях социальной защиты. Гипотезой стало предположение, что большинство получателей социальных услуг по социальной инклюзии в г. Брянске довольны качеством обслуживания в учреждениях социальной защиты.

Генеральная совокупность - все получатели услуг в сфере социальной инклюзии Брянской области (18-75 лет) 130.000 человек. Выборочная совокупность - круг лиц в количестве 20 человек в возрасте от 18 до 75 лет, клиенты ГБУ «КЦСОН г. Брянска».

Был выбран социологический метод исследования в виде анкетирования, обработка и анализ полученных результатов происходила с помощью методов математической обработки данных.

Представим кратко результаты исследования, начиная с того, кто из респондентов оказался получателем услуг по социальной инклюзии. Выявлены представители таких социальных групп, как пожилые граждане (их оказалось больше всего, а именно 55% от количества всех респондентов), инвалиды (40% от числа всех респондентов), а также лица, освобожденные из мест лишения свободы (их оказалось меньше всего, а именно 5% от числа всех респондентов). Анализируя эти показатели, следует отметить, что процентное соотношение респондентов напрямую соотносится с профилем ГБУ «КЦСОН г. Брянска».

Следующий вопрос касался получения респондентами услуг по социальной инклюзии, ответы на который распределились следующим образом. 35% от общего числа респондентов выбрали вариант «образовательные или досуговые программы по социальной инклюзии», 30% от общего числа респондентов выбрали вариант ответа «услуги сиделок и сопровождаемого проживания», 15% от общего числа респондентов – «социальное сопровождение (помощь в оформлении документов, консультации)», два других варианта ответа «психологическая поддержка» и «трудоустройство или профобучение для уязвимых групп» выбрано равным количеством респондентов, а именно по 10%.

В социологическом исследовании задавался вопрос и об использовании цифровых технологий для получения социальных услуг, благодаря которому выяснилось, что больше половины респондентов, а именно 60%, пользуются, а 40% не используют цифровые технологии. Этот результат показал, что онлайн-платформы для оказания социальных услуг адаптированы для людей с особыми потребностями, однако значительная доля респондентов, выбравших ответ «нет», подтверждает важность более глубокого изучения и практического применения цифровых систем в социальной инклюзии.

В следующем вопросе предполагалось узнать мнение респондентов о достаточности информированности населения о правах людей с особыми потребностями. Большинство респондентов, а именно 65%, выбрали вариант ответа «да», вариант ответа «нет» был выбран 35% респондентов, затруднились с ответом 5% от общего числа респондентов. Распределение вариантов ответов свидетельствует как о том, что динамика развития социальной инклюзии носит позитивный характер (более половины респондентов считает, что имеющийся уровень информированности достаточный), так и о том, что необходима всё же модернизации процессов поступления информации о правах маломобильных групп населения (считают недостаточным уровень информированности всё же значительная часть, а именно 35% от общего числа респондентов).

Далее предлагалось высказать мнение об общем уровне доступности услуг по социальной инклюзии (например, социальное сопровождение, помощь в трудоустройстве, адаптационные программы). 55% от общего числа респондентов посчитали этот уровень высоким, 40% оценили уровень как средний, а 5% от общего числа респондентов затруднились с ответом. Анализ ответов на этот вопрос показал прерывистый уровень доступности социальной инклюзии, заключающийся в формальном наличии услуг, которые не всегда подбираются индивидуально конкретному клиенту.

На вопрос «Как вы оцениваете физическую доступность учреждений, предоставляющих услуги по социальной инклюзии (здания, подъездные пути, остановки транспорта, пандусы, тактильные указатели, поручни)?» ответы распределились следующим образом: 90% (большинство) ответили, что «учреждения оснащены и адаптированы» остальные 10% выбрали вариант «учреждения физически малодоступны/недоступны». Такой результат свидетельствует о высоком уровне оснащения учреждений, предоставляющих услуги по социальной инклюзии для маломобильных граждан.

На вопрос «Имеете ли вы возможность получить консультацию по вопросам социальной инклюзии?» большинство респондентов (85%) выбрали вариант «Да», 10% - «Нет», 5% затруднялись ответить. Данный результат свидетельствует о формальной доступности консультационных услуг для подавляющего большинства опрошенных, однако необходимо изучить долю респондентов (10%), которые в силу различных причин (территориальных, информационных, институциональных барьеров) не имеют такой возможности.

На вопрос «Удовлетворены ли вы качеством предоставляемых социальных услуг для пожилых людей?» 60% опрошенных ответили «Да», 15% - «Нет», 25% затруднялись ответить. Высокая доля респондентов, выбравших вариант «затрудняюсь ответить» (25%) обусловлена многомерностью социальных групп опрошенных, ведь помимо пожилых граждан участвовали представители таких групп, как инвалиды и лица, освобожденные из мест лишения свободы.

На вопрос «Насколько услуги по социальной инклюзии, по вашему мнению, помогают улучшить качество жизни людей, которые в них нуждаются?» ответы распределились следующим образом: 55% опрошенных выбрали вариант «Значительно помогают», 40% - «Умеренно помогают», 5% затруднялись ответить. Данный результат свидетельствует, что подавляющее большинство респондентов (95% от тех, кто определился с ответом) признают наличие положительного эффекта от услуг по социальной инклюзии, что само по себе является важным индикатором востребованности и воспринимаемой полезности таких программ.

На вопрос «Готовы ли вы лично участвовать в развитии инклюзивной среды в вашем сообществе?» большинство респондентов ответили «Да»(80%), 15% - «Нет», 5% затруднились ответить. Данный результат свидетельствует о высоком уровне гражданской готовности к участию в развитии инклюзивной среды: 80% респондентов выразили согласие на персональное участие. Тем не менее, при анализе этого показателя в контексте социальной инклюзии необходимо провести его критическую оценку. Также, важно отметить такое явление, как «эффект социальной желательности», суть которого в ответах респондентов, которые соответствуют не их личному мнению, а требуемым общественным ожиданиям.

Таким образом, по результатам проведенного социологического исследования можно сделать следующие выводы: во-первых, большинство участников опроса - пожилые граждане, что обусловлено направленностью учреждения (пенсионеры являются основной аудиторией ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска»); во-вторых, основной интерес пожилых граждан и лиц с ОВЗ сосредоточен на досуговых и образовательных инициативах (35%) и услугах сиделки (30%). Трудоустройство и психологическая поддержка интересуют их значительно меньше (по 10% соответственно). Такое соотношение говорит о преимуществе решения проблемы одиночества и бытовой поддержки над реабилитацией и адаптацией; в-третьих, 80% респондентов готовы лично принимать участие в формировании инклюзивного общества, что может значительно помочь деятельности учреждения. Помощь и поддержка одного клиента другому может сделать для отдельного человека больше, чем работа ряда штатных психологов.

Ответы респондентов свидетельствуют о положительной динамике развития социальной инклюзии на базе ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска», однако работа по модернизации индивидуализированной помощи более удаленным маломобильным группам требует временных и технологических затрат.

Основываясь на результатах проведенного социологического исследования и изучения теории и практики отечественной социальной инклюзии, авторы статьи разработали рекомендации по оптимизации работы ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска» в сфере социальной инклюзии.

Во-первых, необходимо повысить уровень информированности населения о людях с особыми потребностями, а также менять общее стереотипное отношение к ним. Необходимо освещать в СМИ, сети Интернет и прочих источниках конкретные примеры инклюзивного взаимодействия людей в социальном пространстве. Общественность должна перестать бояться «людей с уязвимостями», в школах необходимо проводить лекции, так называемые «уроки человеколюбия».

Во-вторых, важно проработать барьер физической недоступности клиентов в сфере социальной инклюзии – вариантом решения данной проблемы можно предложить выездные бригады на базе ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска», которые смогут помочь маломобильным гражданам, которые по тем или иным причинам испытывают трудности в передвижении, почаще выезжать из дома, участвовать в культурно-досуговых мероприятиях. Из тех же побуждений необходимо провести совместное обследование зданий КЦСОН и социально значимых объектов города с участием самих инвалидов-колясочников и незрячих людей (экспертов по доступности). Целью аудита является выявление комплексных «точек отказа»: узкие дверные проёмы, высокие пороги, отсутствие тактильной плитки или индукционных петель для слабослышащих.

В-третьих, можно рекомендовать больше внедрить волонтерский сектор в работу ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска». Необходимо разработать и внедрить программу подготовки волонтеров из числа активных пожилых людей и инвалидов с лёгкими формами заболеваний. Обученный волонтер может помочь соседу дойти до поликлиники, освоить навыки самообслуживания, оказать моральную поддержку. Это даст клиентам возможность быть не только получателями, но и участниками процесса.

В-четвертых, важно работать над конкретизацией каналов информирования клиентов.

Можно попробовать отказаться от размещения общей информации на стенде, при этом перейти к распространению целевых памяток через социальных работников, участковых терапевтов, в отделениях Почты России и на информационных стойках в МФЦ. Каждая памятка должна быть посвящена одной конкретной услуге (например, «Как получить электронный сертификат на ТСР» или «Компенсация за уход за инвалидом I группы»). Данный формат поможет клиентам быстрее разобраться с интересующими их вопросами.

Таким образом, внедрение данных рекомендаций в практику социальной работы ГБУ Брянской области «КЦСОН г. Брянска» позволит оптимизировать работу учреждения в сфере социальной инклюзии, а также данное исследование обращает внимание на существующую проблему уязвимых категорий людей, и, возможно, побудит других исследователей заняться изучением технологий социальной инклюзии как части общей социальной работы.

Список использованных источников

1. Аверин, А. Н. Национальный проект «Семья» на 2025-2030 годы / А. Н. Аверин, А. В. Понеделков, А. Ш. Самгуров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 4. – С. 13-17. – DOI 10.24412/2220-2404-2025-4-1.
2. Алёхина С. В., Шеманов А. Ю. Философские и методологические основы инклюзивного образования: учебно-методическое пособие / С. В. Алёхина, А. Ю. Шеманов. – М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – 218 с.
3. Астоянц, М. С. Социальное исключение: новый синоним бедности или новые смыслы? / М. С. Астоянц // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № S18. – С. 2-4.
4. Афонькина, Ю. А. Теоретическое конструирование социальной инклюзии лиц с инвалидностью / Ю. А. Афонькина, Г. В. Жигунова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. № 11-1. – С. 278-296. – DOI 10.12731/2218-7405-2016-11-278-296.
5. Бородкин, Ф. М. Социальные эксклюзии / Ф. М. Бородкин // Социологический журнал. – 2000. – № 3-4. – С. 5-17.
6. Воеводина, Е. В. Адаптационные стратегии в российских вузах: от сегрегации к инклюзии / Е. В. Воеводина // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. – 2013. – № 4(16). – С. 044-051.
7. Киричек, П. Н. Дискурс масс-медиа в периметре социального управления / П. Н. Киричек // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3-2(20). – С. 218-225.
8. Киричек, П. Н. Коллизии «визуальности – духовности» в межкультурной коммуникации / П. Н. Киричек // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 167-177. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.13.
9. Киричек, П. Н. Под знаком фигуры умолчания Информационный фактор административной реформы / П. Н. Киричек // Социология власти. – 2009. – № 4. – С. 16-27.
10. Киричек, П. Н. Социокультурный модус рекламной коммуникации / П. Н. Киричек // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2015. – С. 53-62.
11. Киселев, А. Г. Периметр государственного управления: проблема основного звена / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Власть. – 2015. – № 12. – С. 5-11.
12. Киселев, А. Г. Реальные и номинальные коллизии в арсенале государственного управления / А. Г. Киселев, П. Н. Киричек // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 510-518.
13. Лифанова, Т. Е. Досуговые методы социальной работы с пожилыми людьми как адаптивная технология / Т. Е. Лифанова, Ж. В. Кривоносова // Коллекция гуманитарных исследований. – 2021. – № 3(28). – С. 28-35. – DOI 10.21626/j-chr/2021-3(28)/4.
14. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс // под общей ред. В.

Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. Изд. 2-е. – М. : Академический проект, 2002. – 880 с.

15. Трутаева А. В. Ориентиры социальной инклюзии / А. В. Трутаева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2 (218). – С. 61–63.

16. Шайкевич, М. В. Понятие и предпосылки инклюзии / М. В. Шайкевич // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 8-4. – С. 55-57.

Сведения об авторах

Шилина Светлана Александровна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: supershili2012@yandex.ru. Рабочий телефон: + 84832 580520 (1231)

Дмитриева Марьяна Андреевна - студент направления подготовки 39.03.02 Социальная работа факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: ivanivanov1345435@mail.ru.

Шилин Андрей Михайлович - магистрант направления подготовки «Менеджмент в образовании» факультета педагогики и психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: supershilin2012@yandex.ru.

UDC 316.4.06:14

OPTIMIZATION OF SOCIAL INCLUSION MECHANISMS FOR VULNERABLE CATEGORIES OF CITIZENS

Shilina S.A., Dmitrieva M.A., Chavgun D.L.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

The article discusses the current issues of a comprehensive analysis of social inclusion technologies and the level of their implementation in social protection institutions. The authors conducted a theoretical analysis, which allowed them to conclude that the concept of «inclusion» is transforming: from the «integration» model (where individuals adapt to the existing environment), modern society is moving towards the «inclusion» model (where the environment and society are designed to meet the needs of everyone, including people with disabilities, the elderly, migrants, graduates of orphanages, and other vulnerable groups). It has been established that the key barrier today is not so much physical (architectural inaccessibility) as socio-psychological and communicative (stigmatization, low level of inclusive culture, lack of a request for equal participation). The article reflects the results of a sociological study conducted in order to provide a more detailed analysis of social inclusion technologies with various categories of citizens in the Bryansk Region State Budgetary Institution «Bryansk City Social Services Center». The analysis of the respondents' answers revealed current problematic issues and ways to solve them. The authors' conclusions are as follows: the predominant social group of respondents was elderly citizens, as this category of clients is the main one at the Bryansk City Social Services Center; for the vast majority of clients, the primary concern is not so much rehabilitation and adaptation, but rather overcoming feelings of loneliness and providing necessary household support; institutions that not only provide services but also organize interaction between clients can significantly expand their reach without requiring additional staff; only a comprehensive approach to inclusive assistance for a specific client in a specific problematic situation can ensure maximum effectiveness.

Keywords: inclusion, sociological research, vulnerability, disabled people, social sphere, social isolation, people released from prisons, elderly people

References

1. Averin, A. N. National Project «Family» for 2025-2030 / A. N. Averin, A. V. Ponedelkov, and A. Sh. Samgurov // Humanities, Social Sciences, and Economics. – 2025. – No. 4. – Pp. 13-17. – DOI 10.24412/2220-2404-2025-4-1.

2. Alyokhina S. V., Shemanov A. Yu. Philosophical and methodological foundations of inclusive education: educational and methodological manual / S. V. Alyokhina, A. Yu. Shemanov. – М. : FGBOU VO MGPPU, 2022. – 218 p.

3. Astoyants, M. S. Social exclusion: a new synonym for poverty or new meanings? / M. S.

// Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Social Sciences. 2006. No. S18. Pp. 2-4.

4. Afonkina, Yu. A. Theoretical Construction of Social Inclusion of Persons with Disabilities / Yu. A. Afonkina, G. V. Zhigunova // Modern Research of Social Problems (electronic scientific journal). – 2016. No. 11-1. – Pp. 278-296. – DOI 10.12731/2218-7405-2016-11-278-296.

5. Borodkin, F. M. Social Exclusions / F. M. Borodkin // Sociological Journal. – 2000. – No. 3-4. – Pp. 5-17.

6. Voevodina, E. V. Adaptation strategies in Russian universities: from segregation to inclusion / E. V. Voevodina // Bulletin of the Moscow State Institute of Humanities and Economics. – 2013. – No. 4(16). – Pp. 044-051.

7. Kirichek, P. N. Mass Media Discourse in the Perimeter of Social Management / P. N. Kirichek // Modern Discourse Analysis. – 2018. – No. 3-2(20). – Pp. 218-225.

8. Kirichek, P. N. Collisions of «Visuality – Spirituality» in Intercultural Communication / P. N. Kirichek // Knowledge. Understanding. Ability. – 2016. – No. 1. – Pp. 167-177. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.13.

9. Kirichek, P. N. Under the Sign of the Figure of Silence: The Informational Factor of Administrative Reform / P. N. Kirichek // Sociology of Power. – 2009. – No. 4. – Pp. 16-27.

10. Kirichek, P. N. Sociocultural Mode of Advertising Communication / P. N. Kirichek // Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations. Volume Part 1. – Rostov-on-Don: Rostov State Transport University, 2015. – P. 53-62.

11. Kiselev, A. G. The Perimeter of Public Administration: The Problem of the Main Link / A. G. Kiselev, P. N. Kirichek // Vlast. – 2015. – No. 12. – Pp. 5-11.

12. Kiselev, A. G. Real and nominal collisions in the arsenal of public administration / A. G. Kiselev, P. N. Kirichek // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2016. – Vol. 16, No. 3. – Pp. 510-518.

13. Lifanova, T. E. Leisure Methods of Social Work with the Elderly as an Adaptive Technology / T. E. Lifanova, Zh. V. Krivonosova // Collection of Humanitarian Research. – 2021. – No. 3(28). – Pp. 28-35. – DOI 10.21626/j-chr/2021-3(28)/4.

14. Parsons, T. On the Structure of Social Action / T. Parsons // under the general editorship of V. F. Chesnokova and S. A. Belanovsky. 2nd edition. – Moscow: Academic Project, 2002. – 880 p.

15. Trutaeva A. V. Guidelines for Social Inclusion / A. V. Trutaeva // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 2 (218). – Pp. 61–63.

16. Shaykevich, M. V. The Concept and Prerequisites of Inclusion / M. V. Shaykevich // Eurasian Union of Scientists. – 2014. – No. 8-4. – Pp. 55-57.

Author s information

Shilina Svetlana Alexandrovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Sociology, and Social Work of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: supershili2012@yandex.ru. Work phone: + 84832 580520 (1231)

Dmitrieva Maryana Andreevna - is a student of the 39.03.02 Social Work program at the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: ivanivanov1345435@mail.ru.

Shilin Andrey Mikhailovich - Master's student in Educational Management at the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: supershilin2012@yandex.ru.